

в предшествующих династиях — реальных или легендарных. Лишь к IV в. (первый вариант «Карнамака», официальные царские титулы) — в силу ряда политических причин — сасанидские шаханшахи стали возводить свою официальную генеалогию к «Дариям» и «Кейанидам», а в VI в. эта генеалогия была продолжена к Пинидадидам. Все эти проблемы, разумеется, тесно связаны с вопросами создания цикла историй «четырёх династий», этапами создания «Хватав-Намак».

Последняя X глава книги В. Хинца названа «Несколько новых надписей сасанидского времени». Она написана сотрудником Немецкого Археологического института в Тегеране Г. Гроппом и посвящена обнаруженным в самые последние годы в различных районах Ирана наскальным надписям преимущественно позднесасанидской или послесасанидской эпохи.

Открытие таких надписей продолжается и до сих пор — в самое последнее время была обнаружена курсивная среднеперсидская надпись в районе Пасаргад, надпись на скале недалеко от Персеполя, несколько надписей в районе Бишапура и т. д.

Наиболее интересной из вновь открытых надписей является надпись из района Танг-и Бурак (около 120 км западнее Абаде), открытая в 1956 г. Али Акбаром Басирп³⁸ Эта двуязычная надпись (среднеперсидский — сткк. 1—9 и парфянский — сткк. 10—15 текста) времени Шапура I повторяет (с незначительными вариантами) сткк. 1—6 и конец знаменитой билингвы Шапура I в Хаджиабаде³⁹. Г. Гропп публикует прекрасные фотографии надписи (табл. 141—142), фотографию грота, около которого она была найдена (табл. 140), и схематический план местности (рис. 23). Он дает восстановление текста (на основе надписи из Хаджиабада), транскрипцию, реконструкцию чтения в манихейской орфографии, перевод и филологический комментарий, в особенности останавливаясь на слове *wrt* («Ort») в парфянском тексте надписи.

Как известно, причина создания надписи-билингвы в Хаджиабаде оставалась непонятной: речь в ней шла о том, как Шапур I и его вельможи («принцы, знать и абаты» — *BR BYT', wcln n W 'z'tn*) пускали стрелы в цель. Х. Нью-

берг и вслед за ним Н. В. Пигулевская⁴⁰ полагали, что речь идет, возможно, о ритуальном «пускании стрел» в честь праздника Тараган. Однако открытие надписи аналогичного содержания вдалеке от скал Хаджиабада заставляет склоняться к тому, что как там, так и в надписи Танг-и Бурак фиксируются спортивные успехи Шапура и его вельмож. Г. Гропп устанавливает расстояние от надписи до камня, который, видимо, служил мишенью. «Хорошим выстрелом» считалось попадание стрелы в цель на расстоянии около 150 м.

Надпись из района Эклика (оазис в 30 км к юго-западу от Абада)⁴¹ вместе с некоторыми другими, изданными в книге, относятся к уже довольно многочисленным надписям на дахмаках — астодах (*dḥmk* — зороастрийских погребальных камерах — небольших нишах, выбитых в скалах, как правило, рядом с «ложками» — искусственными прямоугольными траншеями, куда клались тела усопших зороастрийских праведников и где они находились до тех пор пока не оципились скелет). Таких дахмаков в Иране в последнее время открыто немало, не только в районе Парса, но и в Хузистане, и в других местах⁴²: надпись из Эклика выполнена так называемым «курсивным пехлеви» (близким по начертанию надписям из Дербенда), содержит 21 строку текста и дату по «эре Ездегерда» — «месяц Абан, 6 год Ездегерда, царя царей, день Хвар» (сткк. 11—15). В этот день умер марзбан города Бишапура (по переводу Г. Гроппа), по чьему приказу была изготовлена гробница. В день Мах его тело (вернее — кости) были помещены в дахмак (сткк. 16—18). Надпись дефектна в начальных строках и очень трудна для чтения, поэтому транскрипцию и перевод ее, предложенные Г. Гроппом, следует рассматривать как предварительные (в особенности чтение и перевод сткк. 19—21).

Четыре короткие надписи рядом с астодами из района Истахра⁴³ содержат имена похороненных и погребальные формулы. Их содержание, вероятно, отвечает некоему стандарту такого рода надписей: «этот дахмак приказал сделать

⁴⁰ Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956.

⁴¹ Предварительное издание — проф. Али Сами (см. выше, прим. 38).

⁴² См., например, Vanden Berghe, ук. соч., стр. 30—31.

⁴³ Первая из них датирована, согласно Г. Гроппу (в книге приведены только прорисовки) месяцем Хурдат, 33 годом эры Ездегерда, днем Варахран (август 664 г.), вторая — месяцем Вахуман, 43 годом (эры Ездегерда) днем Спандармат (апрель 676 г.); остальные надписи не датированы.

³⁸ Предварительные публикации проф. Али Сами в журнале *Gosārešha-ye bāstānšenāsī*, IV, Teheran, 1338 г. х. (1957), стр. 173—179; в его же книге «Сасанидская цивилизация» (на перс. яз.), т. I, Шираз, 1963, стр. 70.

³⁹ Издание см. N. Nyberg, *Nāj-iābād-inskiften*, «Ost og Vest», København, 1945, стр. 63—74. Конец надписи Танг-и Бурак несколько расходится с надписью из Хаджиабада.

такой-то сын такого-то (иногда следует дата) души своей ради (lwb'ny NPSH l'd) и да будет ему даром (b'l) ⁴⁴ рай (whšt). Иногда указываются те, на чьи средства был сделан астадан (в надписи № 4 — астадан приказали сделать брат и сестра покойного) ⁴⁵.

Кроме этих надписей, Г. Гропп издает фотографии, прорисовки и чтение отдельных слов трех сильно испорченных надписей из Сиванда (оазис на дороге между Персеполем и Пасаргадами). Все они курсивные, высечены на каменной платформе (приблизительно 3 × 4 м) в одном из углов которой выбита прямоугольная ванна. Вероятно, содержание всех трех надписей сходно. В самой сохранившейся из них (надпись А), по чтению

⁴⁴ Слово b'l в значении «божественное воздаяние» встречается также в надписях Картира.

⁴⁵ Весьма интересна погребальная сасанидская надпись на византийском саркофаге, открытом во время археологических раскопок на территории Ecole d'Instituteurs в Стамбуле в 1964 г. Издатель надписи Ж. Р. Менаше относит ее ко времени Варахрана V. Перевод, предлагаемый издателем, — предварительный, но саркофаг в надписи обозначен словом gwt и в нем был, вероятно, похоронен сасанидский посол, скончавшийся в Константинополе (см. J. P. De Menasce O. P., L'Inscription funéraire pehlevic d'Istanbul, «Iranica Antiqua», VII (Melange Ghirshman II), Leiden, 1967, стр. 59—71.

Г. Гроппа, написано: «Этот оросительный канал (kts), и сад (b'g), и фруктовый сад (bwdst'n — совр. перс. bostan), и виноградник, и цветы, и деревья (w'l ⁴⁶ w dlht), и дом приказал сделать такой-то, сын такого-то, для увеличения своего имущества». Надписи В и С более проственные, в надписи В упомянут тот же владелец.

Наконец, Г. Гропп издает обнаруженную им почти разрушенную греческую надпись на груди коня Шапура I на его триумфальном рельефе в Накш-и-Рустам (в надписи — имя и титулы Шапура I, его отца и деда) и едва различимую среднеперсидскую курсивную надпись на том же рельефе (в обоих случаях даются только прорисовки). Книга завершается схематической картой провинции Фарс, на которой указаны места находок надписей, указателем имен, терминов, эламских, древнеперсидских, парфянских и среднеперсидских слов и парфянских и среднеперсидских гетерограмм.

В заключение можно отметить, что богато документированная и содержащая большое количество нового материала, тонких наблюдений и хорошо аргументированных выводов книга В. Хинца, несомненно, принесет большую пользу всем специалистам по древнему Ирану.

В. Г. Луконин, М. А. Дандамаев

⁴⁶ См. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkestan, III, «Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss. phil.-hist. Kl. B. 1934, стр. 907.

IVO FISER. *Indian Erotics of the Oldest Period*, Praha, Universita Karlova, 1966 («Acta universitatis Carolinae. Philologica monographia», XIV, 1966), 139 стр.

Рецензируемая книга опубликована в серии филологических монографий, издаваемых Карловым университетом в Праге. Автор ее, доктор Иво Фишер, хорошо известен своими исследованиями истории естественнонаучных знаний древней Индии. Работа состоит из предисловия, введения и пяти глав.

Предисловие (стр. 5—10) начинается с более общих соображений об интересующем автора аспекте древнеиндийской культуры, создавшей систематизированную теорию соответствующих норм поведения в сфере чувственной жизни (kāma), теорию, которая, как полагает И. Фишер, не имеет себе равных в анналах мировой культуры по тщательному и беспристрастному проникновению в самые интимные области человеческих отноше-

ний (nowhere else do we come across such an elaborate system of learning that dwells on the most intimate phenomena of sexual life in all earnest and with impassive scholarly zest — стр. 5). Между тем, по замечанию автора, хотя число псевдонаучных книг на эту тему растет с угрожающей быстротой, данная проблема до сих пор еще не исследована с должной научной строгостью и тщательностью. В первую очередь это относится к более раннему периоду, предшествовавшему составлению классических наставлений в кама (kāmaśāstra). Изучение этого периода, по мнению И. Фишера, — необходимое предварительное условие для анализа подобных трактатов, прежде всего «Камасутры». За настоящим трудом, посвященным ведийской эпохе (свидетельства

Ригведы, Атхарваведы, брахман, упанишад), должны, по замыслу автора, последовать работы, анализирующие свидетельства сутр, буддийской канонической литературы, затем — эпоса и шаштр. При этом он справедливо указывает, что отдельные аспекты этой проблемы требуют внимания не только индологов, но и врачей, психологов, социологов. Подобное исследование непременно должно исходить из систематического анализа соответствующей терминологии — последняя задача, полагает И. Фишер, далека еще от своего решения (не только в индологии, но и в изучении современных европейских языков). В этой связи он замечает, что в данном исследовании он считал целесообразным прибегать к латинской терминологии, не будучи уверен в точности отдельных английских выражений.

Введение (стр. 13—26) содержит ряд предварительных замечаний, связанных с психологическим и культурно-историческим аспектами исследования. Автор уточняет здесь само понятие *erotics* (*processes in which physical features of sexual phenomena are prominent* — стр. 14), отвлекаясь в данном случае от пространственных «поэтических» (*sensuous love, desire*) и «филологических» (*amorous intercourse, love*) определений. Остановившись на понятиях *sex* и *love*, И. Фишер склоняется к точке зрения Т. Райка¹, связывавшего первое с чисто биологической потребностью в ее физиологическом проявлении, а второе — с эмоционально-личным, избирательным отношением, сложившимся в ходе культурного и психического развития.

Первая глава «Доисторический период» (стр. 37—46) посвящена ранней, наименее изученной эпохе индийской истории, связанной с раскопками Мохенджо-даро и Хараппы. Автор с большой осторожностью анализирует соответствующие свидетельства археологии, обращая внимание на следы фаллического культа, возможно, генетически предшествовавшего шиваитскому (*Proto-Siva*), на культ матери-земли, на фигурку танцующей девушки, по его предположению — храмовой танцовщицы, предшественницы более поздних *deva-dāsī*, на отдельные косметические принадлежности.

В следующей главе («Период Ригведы» — стр. 37—62) И. Фишер обращается к кругу текстов, составляющих основу его исследований — к гимнам Ригведы (при ссылках — Рв) и Атхарваведы (при ссылках — Ав). Давая краткие источниковедческие сведения, автор подчеркивает сложности, возникающие в связи с хронологией ведийских гимнов и с толкованием отдельных мест. Прежде всего он останавливается на соответ-

ствующей терминологии в описании природных феноменов, в частности — в космогонических гимнах (стр. 43 и сл.). В этой связи отмечается образ дождя, орошающего землю, как семени (*getaḥ* — Рв I, 100,3; 128,3 и др.); улобление космогонического акта сексуальному (ср. Рв I, 164,8), мотив божественного нидеста, характеризующий, например, Умас (Рв I, 71, 5; 164,33; VI, 55,4 и др.). Подобная символика, тесно связанная с антропоморфным характером большинства ведийских богов, прослеживается автором в образах Агни (его имена *kāma*, *jāga*; аллегорическое осмысление добывания огня трением кусков дерева — III, 29,1; ср. более поздние образы упанишад: Брихадараньяка VI, 4, 22), Сомы (аллегория, связанная с выжиманием сока сомы — I, 28, 2; ср. Брихадараньяка VI, 4, 3), Индры, пожалуй, чаще других божеств выступающего здесь в роли возлюбленного и др. Выделяя подобные мотивы, автор не считает необходимым видеть здесь прежде всего влияние фольклора², указывая на возможность бытования соответствующей традиции в сравнительно узком жреческом кругу.

В третьей главе («Общество времен Ригведы» — стр. 63—85) данные гимнов используются для изучения отдельных аспектов жизни ведийского общества. Подходя с максимальной осторожностью к подобной реконструкции, И. Фишер обращает внимание на преимущественно гетеросексуальный и моногамный характер общественной жизни, останавливаясь на особенностях свадебных обрядов (Рв X, 85; Ав XIV, 2), на ряде черт, находящихся себе параллели и в более поздних санскритских текстах. Таково, например, широкое распространение заговоров с целью добиться взаимности, восстановить потенцию и т. д. (материал Атхарваведы). По-видимому, в случае бесплодия одной жены муж, как правило, брал себе другую (ср. Рв I, 122, 2); в этой связи уже здесь появляется мотив соперничества жен (ср. Ав VI, 89; VII, 38 и др.). Любопытны свидетельства, позволяющие судить об известной свободе добрых отношений, об отношении к беременным, о положении вдов, об отдельных эстетических оценках (ср. Ав III, 17, 3 о *pīvaṅīm*), о существовании проституции.

В четвертой главе («Язык» — стр. 87—102) автор снова обращает внимание на недостаточную изученность ведийской терминологии. В связи с интересующим его кругом представлений он выделяет три лексические группы (связанные соответственно с земледелием, со скотоводством и с более общей сферой физической и психической деятельности).

¹ T. Reik, *Of Love and Lust*, N. Y., 1959, стр. 16 и сл.

² Cp. *Der Rig-Veda, aus dem Sanskrit ins Deutsche übers.* v. K. F. Geldner, III, Cambr. Mass., 1951, стр. 274.

В этой связи он останавливается на ряде понятий (*śeṣaḥ, retaḥ, vṛṣaṇ, adhi-skandh, ni-gam, pṛc, anu-bhr, yabh* и др.), а также на случаях образного словоупотребления (*paḍaḥ, sakra, dhe* и др.).

В последней главе («Ритуал и умозрение» — стр. 103—118) И. Фишер обращается к другим источникам, в той или иной форме комментирующим и развивающим содержание ведийских гимнов, — брахманам, араण्याм, упанишадам. В этой связи он уделяет внимание соответствующим чертам быта, ритуала и более отвлеченных спекулятивных рассуждений, используя в основном данные Шатапатха и Айтарея брахман и некоторых упанишад. Автор останавливается на лексике упанишад и справедливо отмечает характерное для них осмысление ритуальных процедур в связи с физиологическими функциями человека.

В конце книги приложены список сокращений (стр. 119—120), резюме на чешском языке (стр. 121), указатель санскритских слов (стр. 122—126), цитируемых текстов (стр. 127—133), собственных имен и предметов (стр. 134—139).

Весьма ценная особенность рецензируемого труда — внимание к терминологическим вопросам (как в плане общих проблем ведийской терминологии, так и в анализе конкретной лексики). Важность соответствующих исследований, как было сказано, подчеркивается уже в предисловии (стр. 7). Интересны наблюдения И. Фишера над особенностями употребления слов *retaḥ* (стр. 44, ср. 117), *śamana* (стр. 76); *kanyā* (стр. 78 и сл.), *kāma* (стр. 89 сл., 117—118), *dugdha* (стр. 102) и др. Некоторые из этих понятий (например, *kāma*) выходят за рамки непосредственного значения соответствующего слова, затрагивая другие важные аспекты индийской культуры. Это относится, в частности, и к слову *sakra* (букв. «колесо») (стр. 100 сл.) — аллегорическому обозначению *soṭus'a*, играющему существенную роль в древнеиндийской этико-философской и культурной символике (как в индийской традиции, так и в буддийской). Автор с большой осторожностью подходит к вопросу о стилистической окраске отдельных выражений. Он подчеркивает относительность наших эстетических критериев и не видит необходимости квалифицировать не соответствующие таким критериям выражения как образцы «ведийского сленга» (ср. идеи Р. Пишеля, К. Гельднера), хотя при переводе считает возможным в отдельных случаях прибегать к современным сленговым выражениям. Последнее, по его мнению, — все же меньшая модернизация оригинала, чем, например, одинаковая передача пяти различных санскритских названий *membrum* одним и тем же обозначением (стр. 61). Вообще он неоднократно обращает внимание на проблему пере-

вода ведийской лексики, указывая на существенные различия в образе мышления древнего индийца и современного европейца и предостерегая от привнесения привычных для европейского сознания идей в описание специфических явлений древней индийской культуры. В качестве примера И. Фишер отмечает сугубо условный характер перевода *kāma* как «love» и *dharma* — как «religion» (стр. 24). При передаче этой лексики, зачастую не имеющей вполне точных соответствий в языке перевода, по его мнению, имеются две возможности: изыскание новых средств выражения или употребление описательных оборотов (стр. 88). Сам он склонен предпочитать первый путь, указывая в качестве одного из немногих удачных образцов перевод гимна Рв X, 95 о Пуруравасе и Урваши, выполненный Л. Рену³ (стр. 100). Все это представляет несомненный интерес для переводчиков не только круга текстов, интересующих автора, но и ведийских гимнов в целом.

И. Фишер подходит к рассматриваемым проблемам, отдавая себе отчет в существенных специфических чертах индуистской культуры, — в этом плане его исследование обладает и более широкой методологической ценностью. Он учитывает тесное взаимодействие принципа *kāma* с другими принципами человеческой жизнедеятельности и связанное с этим глубокое проникновение «еготис» в сферу культа (стр. 23). Совершенно справедлива его мысль о том, что перед авторами ведийских гимнов не стояло различие «религиозного» и «светского» аспектов отношения между полами в нашем понимании этого противопоставления (стр. 43) — следует добавить, что то же самое можно сказать и о ряде других памятников индийской культуры (например, о кришнаитской лирике). Соответственно, он сомневается в правомерности применения современных стандартов морали к персонажам Ригведы (как это склонен, например, делать С.К. Де⁴), подчеркивая, что ведийские табу в соответствующей сфере поведения совершенно отличались от наших, да и от более поздних индуистских регламентаций (стр. 59).

Отдельные наблюдения И. Фишера выходят за рамки непосредственной тематики книги. Он удачно отмечает, например, что в индуизме некоторые божества и мудрецы могли почитаться и высмеиваться в одно и то же время — черта, характерная не только для Индии

³ L. Renou, *Hymnes et prières du Veda*, P., 1938, стр. 88.

⁴ S. K. De, *Ancient Indian Erotics and Erotic Literature*, Calcutta, 1959, стр. 87.

и отмечавшаяся, например, применительно к западноевропейской культуре М. М. Бахтиным⁵. Любопытно, что, по мнению автора, подобный амбивалентный подход был в ведийском обществе при- вилегией высшего образованного сосло- вия, но не масс (стр. 60—61) — в этом он прямо расходится с толкованиями К. Гельднера и с соответствующей кон- цепцией М. М. Бахтина, исходящего, впрочем, из совершенно иного материала. Интересны его замечания о поведении аскета в связи с действием мазохисти- ческих и садистических компонентов пси- хики (стр. 23). Анализируя иносказатель- ный характер отдельных выражений Риг- веды, подчас вложенных в уста женщины (например, Рв I, 126, 7), он приводит интересные параллели из современных психоаналитических наблюдений над ма- нерой выражения пациенток (стр. 98; там же, прим. 43 — наблюдения Т. Райка). Исследователям Ригведы будут интересны характеристики отдельных гимнов — X, 86 (стр. 57 сл.); I, 179 (стр. 64 сл.); X, 102 (стр. 101) и др. Заслуживают внимания и некоторые замечания И. Фишера о трудах его предшественников, — в част- ности, суждение о Р. Шмидте (стр. 38—39, прим. 3).

Не во всем удачной представляется композиция книги. Так, четвертую часть III главы («Фаллический культ» — стр. 85 сл.) было бы лучше, на наш взгляд, поместить во вторую часть II главы (стр. 43 сл.), трактующую о ведийской религии. Содержание IV главы (о язы- ке Ригведы) хотелось бы видеть изложен- ным раньше, непосредственно за введе- нием ко II главе, поскольку анализ сравнительно более «высоких» уровней текста логичнее было бы предварить анализом более «низких», а не наоборот. В рамках той же IV главы сведения об образе *dugdha* (стр. 102), связанном со скотоводством, следовало бы перенести в соответствующую часть этой главы (стр. 93—94).

С меньшей полнотой, по сравнению с Ригведой и упанишадами, использо- вана автором литература брахман (гла- ва V, ср. стр. 131—132), дающих богатый материал для анализа⁶. Жаль, что в книге не приложена библиография вопроса, хотя бы ограниченная кругом более специаль- ных трудов по теме исследования, — на- сколько нам известно, сколько-нибудь

полной библиографии такого рода до сих пор нет. Естественно, что автор не мог привлечь всю огромную литературу, посвященную разным аспектам изучения вед, да в этом, пожалуй, и не было необ- ходимости. Однако отдельные работы, непосредственно связанные с теми или иными сторонами его исследования, же- лательно было бы учесть. Так, например, для соображений о «светском» и «религи- озном» в Ригведе и о ведийском юморе (стр. 43, 52—53) важное значение имеет статья Я. Гонды⁷, останавливающегося, в частности, на гимне Рв X, 102. Можно было бы сослаться и на наблюдения М. Р. Аналида относительно использо- вания понятия *kāma* в Атхарваведе⁸ и на отдельные замечания в некоторых из более общих трудов А. Алтекара⁹, П. Томаса¹⁰, П. Мукерджи¹¹ и др.

Отдельные недочеты не могут поколе- бать высокой оценки книги И. Фишера. Как более общие методологические предпосылки автора, так и его конкрет- ные наблюдения обнаруживают глубокое понимание специфики ведийского канона, умелое и осторожное обращение с текстом. Исследование И. Фишера является необхо- димым подспорьем для анализа более поздних индийских образцов жанра *kāma- śāstra* — в этом отношении оно полностью подтверждает справедливость сообра- жений, высказанных в предисловии (см. выше), и следует пожелать автору успеш- ного осуществления его замысла в целом. Но и в рамках настоящей монографии труд И. Фишера полностью сохраняет самостоятельное значение как исследо- вание, важное не только для индологов, но и для социологов, этнографов, исто- риков медицины. Это наиболее серьезный опыт изучения ведийской жизни в одном из важнейших ее аспектов, без учета которого нельзя сколько-нибудь удовлет- ворительно понять многие стороны клас- сической индийской культуры.

А. Я. Сыркин

⁷ J. G o n d a. The So-called Secular, Humorous and Satirical Hymns of the Rgveda, «Orientalia neerlandica», Leiden, 1948, стр. 312 слл.

⁸ M. R. A n a n d, Of Kamakala. Some Notes on the Philosophical Basis of Hindu Erotic Sculpture, «Marg», X, 1957, № 3, стр. 45 слл.

⁹ A. A l t e k a r, The Position of Wo- men in Hindu Civilization from Prehistoric Times to the Present Day, 3 ed., Delhi, 1962.

¹⁰ P. T h o m a s, Indian Women thro- ugh the Ages, L., 1964

¹¹ P. M u k h e r j e e, Some Notes on the Study of the "Woman Question" in Ancient India, «Man in India», 44, 1964, № 3, стр. 264 слл.

⁵ М. М. Б а х т и н, Творчество Фран- суа Рабле и народная культура Средне- вековья и Ренессанса, М., 1965.

⁶ Ср., например, данные конкорданса: Vaidika-padānukrama-koṣaḥ (A Vedic Concordance) by Sāstrī, vol. II, pt. I — II, Lahore, 1935—1936, s. v. *kāma, yoni, retas* и др.

Handbuch der Archäologie. Allgemeine Grundlagen der Archäologie. Herausgegeben von U. Hausmann, München, 1969, XXXI + 530 стр., XXX табл., 92 + 21 рис.

Вышедший в свет I том «Руководства по археологии» имеет свою большую историю, на которой прежде всего необходимо остановиться. Первой попыткой составить справочник такого рода явилась книга К. Зиттля¹, изданная в той же серии — «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von Iw. Müller». Поскольку такая огромная задача — создать пособие, охватывающее неисчерпаемый уже к тому времени материал, — оказалась явно не под силу одному человеку, руководство Зиттля скоро утратило всякую ценность и, по справедливому замечанию С. А. Жебелева², в настоящее время может принести пользу только в отношении библиографических справок. Это было осознано через неполных 20 лет составителем нового справочника в этой же энциклопедии Г. Булле³, который привлек к работе над его составлением уже ряд специалистов. Первая мировая война помешала издателю — выпустить намеченное руководство в четырех томах, и все издание прервалось на появившемся в 1913 г. первом выпуске (три первых главы). Прерванные замыслы были продолжены В. Отто, который принял на себя вслед за Ив. Мюллером и Р. Пельманном руководство по изданию всей энциклопедии «Handbuch der Altertumswissenschaft». Он отвел «Руководству по археологии» VI том этой серии, который в свою очередь должен был подразделяться на ряд томов. До второй мировой войны (в 1939 г.) успел выйти только I том, который и явился непосредственным предшественником и прототипом рецензируемого издания. После войны выпуск этой серии был продолжен. В 1954 г. вышел II том, трактующий о неолите и бронзе Европы, а также о европейских «Randkulturen», т. е. о граничащих с античностью периферийных культурах. Кроме этого появился ряд выпусков (Lieferungen) различных томов: вып. 4 и 7 составили II том, вып. 5 (1950 г.) содержит работу Г. Линпольда об античной пластике, вып. 6 (1953 г.) — монографию А. Румпфа о живописи и рисунке в античности. На этом издание снова заглохло и возобновлено теперь только в 1969 г. под эгидой нового издателя — У. Хаусманна (в то время как издание всей энциклопедии принял на себя Г. Бенгтсон).

Со времени выпуска I тома Handbuch'a прошло ровно 30 лет, и новый вариант претерпел по сравнению с прежним ряд существенных изменений. Во-первых, новое издание, оставаясь в рамках «Handbuch der Altertumswissenschaft», не составляет ныне его VI тома, а будет представлять собой особую энциклопедию, своего рода status in statu. Общее количество его будущих томов еще не определено (интересно, что и на титульном листе данного тома не стоит цифра I). Во-вторых, по сравнению с изданием 1939 г. из данного руководства исключены разделы о конкретных эпохах и областях археологии: палеолит (О. Менгин), Египет (А. Шарфф), Передняя Азия (Е. В. Андрэ, К. Ватцингер), которые составят особые тома монографического порядка. По проспекту издательства К. Г. Бекка предполагается издать следующие монографии: 1) Египет (Г. В. Мюллер); 2) Передняя Азия I: кроме Сирии, Палестины и Кипра (Б. Хроуда); 3) Передняя Азия II: Сирия, Палестина, Кипр (Г. Г. Буххольц, П. Вельтен); 4) Античная глиптика. Геммы и камни (П. Цацф); 5) Греческая пластика (Г. Линпольд — переиздание); 6) Греческая архитектура (А. Малльвиц); 7) Греческие малые бронзы (У. Йанцен); 8) Античные золотые украшения (А. Грайфенхаген); 9) Античное стекло (А. Зальдерн) и др. Кроме того, во II том, трактующий о каменном и бронзовом веках Европы, будут включены разделы о раннем железе Европы (особенно о гальштате). В центре всего изложения будет стоять классическая археология, тома и отдельные разделы о неантичных культурах должны служить, по мнению издателя (стр. VI), археологу-классику для ознакомления с эпохами, предшествующими и синхронными с античной, и с областями, граничившими с греко-римским миром, ввиду того, что античник не может освоить их сам, прежде всего по причине отсутствия надлежащих знаний восточных и иных языков.

Handbuch в его новой редакции делится на две части, первая из них рассматривает вопросы: 1) понятия и метода археологии; 2) истории науки; 3) проблемы формы в искусстве древности. Вторая часть посвящена письменности и письменным памятникам.

Раздел «Понятие и метод археологии» (стр. 3—10) написан известным археологом-антиковедом Э. Бушором и представляет собой слегка переработанный текст, подготовленный тем же автором для издания 1939 г. Бушор определяет археологию как науку, изучающую «доступную глазу частицу истории чело-

¹ K. Sittl, Archäologie der Kunst, Münch., 1895.

² С. А. Жебелев, Введение в археологию, ч. I, Пг., 1923, стр. 85 сл.

³ Handbuch der Archäologie, hrsg. von H. Bulle, Münch., 1913.